
А.А.Жебит (Бразилия)

BRICS: перспектива глобального управления

Оценка феномена BRICS с позиций сравнительной экономики и эмпиризма ограничивает и упрощает его анализ, если он не дополнен поведенческими и интеграционными аспектами, такими, как неореалистическая реакция на угрозу или неолиберальное межгосударственное сотрудничество. Возможное теоретическое толкование возникновения и генезиса BRICS как формы деятельности транснациональных сетей является комплементарной попыткой осмысления этой новейшей коалиции восходящих стран-гигантов. Анализ ценностных аспектов постколониального мышления дает ключ к пониманию вызова, брошенного BRICS хранителям современной политической архитектуры миропорядка.

Ключевые слова: BRICS, международные коалиции, транснациональный неофункционализм, сотрудничество Юг — Юг, глобальное управление.

Еще четверть века назад восхождение и упадок великих держав за последние пять столетий были великолепно проанализированы профессором Йельского университета (США) Полом Кеннеди*. Чередование и смена старых гегемоний новыми, как это случилось с Испанией и Португалией, Голландией и Францией, Великобританией, Германией, Японией, Россией, а затем СССР всегда дают толчок выработке новых оценок, а затем и действий, направленных на адаптацию внешнеполитических стратегий к существенным переменам в мировой политике. Вполне естественно, что нынешний блеск новых звезд на международной арене, объединившихся в BRICS, отражает колебания и перераспределение мощи в региональной и глобальной политике между ними, с одной стороны, и традиционными державами — с другой. И именно П.Кеннеди одним из первых разглядел в докладе аналитика Джима О'Нила из инвестиционного банка «Goldman Sachs» не просто интересный экономический феномен восхождения новых держав-гигантов, а начало эпохального сдвига в структуре мировой политики¹.

Влияние BRICS на международные отношения в результате внутриэкономического, демографического и внешнеторгового развития четырех стран-гигантов, а также ЮАР, проявляется в том, что центральное положение

Александр Адамович Жебит — доктор исторических наук, декан факультета международных отношений Федерального университета Рио-де-Жанейро (azhebit@gmail.com).

* P.Kennedy. The Rise and Fall of the Great Powers: Economic Change and Military Conflict from 1500 to 2000. ISBN 0-394-54674-1, 1987 г.

ние западных держав в мировой экономике — от крупнейших государств—членов Европейского союза (ЕС) до Японии — представляется центральным все более относительно. Центр тяжести потоков производственных и финансовых ресурсов смещается в сторону незападного мира, что приводит к дисбалансу в глобальной торговле. Среди развивающихся стран и формирующихся рыночных экономик появляются новые гигантские производители и потребители, вырастают новые международные коалиции и экономические объединения, эффективно влияющие на режимы «гегемонистской стабильности». Сценарий мирового развития в направлении монополярного «американского мира» с начала нового века и особенно со времени начала последнего международного финансового кризиса претерпевает изменения, постепенно заставляя США, современную гипердержаву, и ЕС, крупнейший экономический блок наших дней, если не вступать в зону экономической, финансовой, торговой, политической и, возможно, военно-политической конкуренции с новыми странами-лидерами, то по крайней мере добиваться их доброго расположения или уступок. Убедительными свидетельствами постепенного сокращения ведущей роли западного мира в этом соревновании являются незатихающий глобальный финансовый кризис, развернувшийся в центральных странах Запада, а также выход Китая в 2010 г. на вторую позицию в мире по ВВП, принадлежавшую до этого Японии.

Соглашаясь с аналитиками «Goldman Sachs», можно неустанно повторять, что государства BRICS отличаются от других держав рядом вполне осязаемых и количественно измеряемых компонентов, как-то: ВВП и высокие темпы его роста, приток капиталов, валютные запасы, динамичный рост торговли, население и высокий процент его занятости, территория и другие, не менее значимые статистические элементы — инновации, образование, научно-исследовательская и патентная деятельность, охрана окружающей среды, здравоохранение, развитие инфраструктуры. Экономический эмпиризм не утратил своего значения ни в публикациях Дж. О’Нила на тему о BRICS², ни в оценках других известных экономистов. Да, роль BRICS для мирового политического и экономического сценария бесспорна. Страны BRICS — геополитические и экономические гиганты, даже если это сейчас проявляется на фоне слаборазвитых или откровенно бедных государств, например, таких, как ЮАР и другие африканские стран. Члены группы BRICS входят в первую десятку крупнейших экономик мира, и четыре из них имеют шансы войти в первую пятерку к 2050 г., а по новым оценкам и раньше. Их опосредованно объединяет именно то, что за последнее десятилетие теряет развитый мир, а именно — беспрецедентный и относительно устойчивый экономический рост. Темпы их роста, вместе с четырьмя другими восходящими странами меньшего масштаба — Мексикой, Индонезией, Южной Кореей и Турцией — в первом десятилетии века составляли 60% от мирового экономического роста, их человеческий потенциал объединяет более 40% населения Земли, их доля в мировом валовом продукте превысила 15%, а по покупательной способности и все 20%. BRICS обладают мирной ядерной мощностью, а Россия, Индия и Китай — еще и военным и военно-космическим ядерным потенциалом. Интеллектуальный капитал BRICS — фундаментальный вклад в процессы инновации, активно развивающиеся во всех пяти странах. Торговля между странами

BRICS в 2010 г. составила около 60 млрд долл., а их спрос на нефть — 58% от мирового.

И все же вопрос, на который требуется дать ответ, отвлекаясь от сравнительной статистики: каковы причины и механизмы превращения BRICS из экономической категории в реальную политическую силу, основанную на крепнущей коалиции стран, влияние которых на ход мировой политики становится все более ощутимым.

В принципе объединение стран BRICS до последнего времени скептически воспринималось как маловероятная коалиционная комбинация государств. Ведь BRICS — это не военная коалиция и не экономическое сообщество. Эти страны разъединяют различия политических режимов, история, культура, цивилизация, религия, языки, конфликты, законы, обычаи, архетипы, недавнее прошлое «холодной войны» в виде «железного занавеса» и конфликтное прошлое отношений СССР и Китая, Китая и Индии. Трудно найти более непохожие государства с позиций цивилизационной истории или сравнительной политики. Попытки найти сходство в демократических процессах России, Бразилии и ЮАР сталкиваются с несоизмеримостью подобных опытов в отношении истории Индии или Китая.

Да, страны BRICS идут собственным независимым путем во внешней политике, что, собственно говоря, не так уж оригинально. Они разделяют взгляд на становление мультиполярного или многоцентричного мира. Но мало кто его не разделяет. Их объединяет риторика более справедливого и равноправного мирового развития. А разве страны «восьмерки», ЕС, ОЭСР не стремятся к тому же, если не на деле, то на словах? Они следуют антигегемонистской линии в мировой политике. А разве со времен утверждения Вестфальской системы было по-другому? Они объединяются против транснациональных угроз и вызовов глобализации. Какое же правительство этого не делает, не желая остаться не у дел после очередных выборов?

Не оспаривая рациональность экономистов, для которых BRICS — это естественная для эмпирического осознания международной экономической действительности тестовая модель, хотелось бы сосредоточиться на других, менее осязаемых элементах конструкции политических феноменов современности, среди которых выделяются нормативные, ценностные и перцептивные атрибуты восприятия международной жизни, связанные не только и не столько с промышленным, торговым и финансовым аспектами BRICS, а скорее с целым рядом альтернативных контекстов, а именно:

- причины формирования и деятельности международных коалиций;
- трансправительственные сети и транснациональный неофункционализм;
- новое постколониальное «южное» мышление.

Рассмотрение этих контекстов представляется отнюдь не осложняющим, а, скорее, разъясняющим довольно неожиданное рождение и пока еще краткое бытие BRICS.

Созданная сравнительно недавно «гламурная» коалиция государств, привлекая к себе столько внимания за весьма короткий срок и уже успевшая вызвать ревность со стороны США и их трансатлантических союзников³, возникла как переговорная платформа слабой интенсивности в рамках ООН в 2006 г., которая затем репродуцировалась на уровне министров ключевых областей стран BRIC, а в 2009 г. на первой встрече в вер-

хах в Екатеринбурге трансформировалась в международную политическую коалицию. В 2010 г. переговоры на высшем уровне в рамках BRIC совпали со встречей IBSA* в г. Бразилиа, столице Бразилии. В 2011 г. в Санья (КНР) в BRIC была приглашена ЮАР, составив, таким образом, BRICS. Совершенно очевидно, что за созданием BRIC(S) стояли общие политические интересы и мотивации рационального, поведенческого и нормативного планов, которые требуют пояснений.

Традиционный неореалистский соблазн объяснить политику создания коалиции, основанную на сотрудничестве международных акторов в области безопасности, как реакцию на угрозу, исходящую извне, вынуждает нас полагать, что страны BRICS в данной интерпретации не считают себя свободными от угрозы гегемонистского влияния и даже вмешательства в их внутренние дела. Действительно, начиная с 2003 г., с момента вторжения коалиционных сил в Ирак, ощущение небезопасности преследовало многие страны, оценки которых относительно расширения сферы действия НАТО укрепили их в предположениях относительно опасности нового «однополярного мира». Национальная стратегия Дж.Буша-младшего, направленная на войну с террором, косвенно осложнила восприятие США как беспристрастного и бескорыстного союзника. Если говорить о будущих членах BRIC, то у них также укрепилось ощущение незащищенности: России — от НАТО, Китая и Бразилии — от США, Индии — от Пакистана. Никакой военно-политический блок с участием Бразилии или России не мог бы стать противовесом Североатлантическому блоку, так как Организация Договора о коллективной безопасности несовместима по конвенциональной мощи с НАТО, а UNASUR из военной организации имеет пока только Совет обороны южноамериканских государств. У Китая же, как и у Индии, нет союзников в военной области.

Нынешняя оценка угроз стала складываться после окончания «холодной войны» в довольно тесной связи с распространением оценок о формировании монополярного мира. Если предположить, что монополярный мир представлял бы собой угрозу для BRICS, то в каком-то смысле создание этой международной коалиции можно бы условно считать глобальным противостоянием мировой гегемонистской конструкции.

По мнению профессора Гарвардского университета (США) Стивена Уолта, «... менее могущественные державы стоят перед тремя выборами в однополярном мире. Они могут вступить в союз друг с другом для ослабления влияния единого полюса; вступить в союз с единым полюсом для поддержки его действий или для использования его мощи в своих целях или сохранить нейтралитет»⁴. Следуя логике балансирования в мире угроз между антигегемонизмом и прогегемонизмом, маятник политического равновесия раскачивается от «твердого балансирования» до «дезертирства», проходя сквозь стадии «мягкого балансирования»⁵, «срывания с привязи»⁶, «нейтралитета», «регионального балансирования». Если попытаться применить, хотя бы весьма относительно, какую-либо из данных неореалистических категорий к BRICS, то скорее всего «мягкое» и «региональное балансирование» будут вполне уместными. В то же время хайнаньский

* Коалиция Бразилии, Индии и ЮАР, созданная в 2003 г.

инцидент*, конфликт России с Грузией в 2008 г., осложнение отношений между Индией и Пакистаном в 2008 г. после теракта в Мумбае «мягким балансированием» назвать трудно.

Логично представить, что и опасения адептов «однополярного мира» в связи с появлением BRICS были бы вполне объяснимы. Но если предположить, что стратегия «однополярного мира» делает упор не на военный компонент, а на «мягкую» мощь, то и стратегия стран BRICS не имеет ничего общего с милитаризацией, а ориентируется на результат, основанный на международном сотрудничестве.

Государства BRICS — отнюдь не военный альянс, и рассуждения о союзе и о нейтралитете не должны восприниматься так, как будто бы речь идет о блоковом союзничестве, подобном «блоковой эпидемии» конца 1940—1950-х годов прошлого века. Правительства стран BRICS никогда не заявляли о том, что им угрожает какая-либо держава. Более того, в декларациях BRICS подчеркивается, что их цели и интересы находятся за пределами силового восприятия мира. Эти государства объединились для защиты от возможных глобальных вызовов и угроз, среди которых приоритетное место занимают нынешний мировой экономический кризис, проблемы развития и бедности, международный терроризм, оскудевающие энергетические и дорожающие продовольственные ресурсы. Таким образом, ощущение небезопасности является в принципе общим для всех членов BRICS, однако его спектр весьма широк и отличается от узкого восприятия исключительно военной угрозы.

В политическом плане позиция «мягкого балансирования» проявляется в «мягком» противостоянии BRICS позициям США и Евросоюза в отношении событий в Ливии на примере воздержания от голосования за резолюцию № 1973 (2011 г.) Совбеза ООН, а также в близких позициях по заявлению председателя Совбеза ООН о нарушении прав человека в Сирии от 3 августа 2011 г. Причем в последнем случае инициативу посредничества в переговорах с сирийским руководством взяла на себя IBSA, члены которой одновременно являются участниками BRICS.

Трудно оценивать BRICS только с точки зрения неореализма по той причине, что государства, которые хотя и функционально могут быть отнесены к категории великих держав, принимают внешнеполитические решения в пользу сближения интересов или вопреки ему не только в зависимости от уровня и интенсивности внешних угроз или максимизации национального интереса. В этой связи представляется важным прояснение причин, вынуждающих правительства проводить политику, основанную на объединении в коалиции.

Объединение стран в международные коалиции, по мнению бразильских исследователей Амансио Ж.Н. де Оливэйры, Жанины Онуки и Эммануэла де Оливэйры, проявляется в двух плоскостях: как результат экономической взаимозависимости, основанный на совпадении интересов в области международной торговли и многосторонних переговоров, и как стратегически-идеологический выход, обусловленный оценками состояния угроз⁷. В качестве примеров амбивалентности внешнеполитических реше-

* Столкновение в 2001 г. в районе о-ва Хайнань (КНР) американского самолета радиоэлектронной разведки и китайского истребителя.

ний в отношении формирования коалиций могут служить как формирование группы 20 стран, заблокировавших в 2004 г. раунд ВТО в Дохе, так и объединение вокруг новой контртеррористической стратегии ООН в 2005 г. В обоих случаях речь идет о глобальном измерении интересов или угроз. В ВТО происходит столкновение интересов, проявляющееся в протекционизме развитых государств в отношении развивающихся в области сельского хозяйства, субсидий производству и экспорту товаров и услуг, в то время как в ООН в контексте противодействия терроризму возникает поле для объединения интересов. Таким образом, выстраивается довольно противоречивая конструкция: там, где интересы должны совпадать (мировая торговля), они входят в противоречие; там же, где ощущение угроз должно разделять отличающихся друг от друга акторов, оно их объединяет. Без всякого сомнения далеко не всегда совпадающие интересы в торговле и разноплановая оценка угроз возникают не только между участниками BRICS и ведущими государствами Запада, и нельзя исключить, что они могут характеризовать и отношения между самими странами BRICS. Так, недовольство глав Бразилии, Индии и России девальвацией юаня было предметом обсуждения на Саммите BRICS в г. Санья (КНР, апрель 2011 г.), а эмбарго по санитарным соображениям на поставки бразильской говядины и свинины в Россию в 2011 г. вызвали напряженность в торговом сотрудничестве.

Факт образования четырьмя государствами коалиции BRIC, вызванного балансированием между неореалистическим и неолиберальным обоснованиями, все же не проливает свет на суть данной группировки. Поэтому важно понять, каковы глубинные причины, объединяющие участников этой организации, кроме ощущения небезопасности и диффузной угрозы или осознания необходимости кооперирования в рамках групп с единовременными, краткосрочными целями, которые преследуются очень многими государствами, не имеющими никакого отношения к BRICS. Для ответа на этот вопрос важно понять суть генезиса и характер идентичности коалиций. Вопрос профессора Портлендского университета (Великобритания) Лесли Эллиотт Армико, представляют ли собой страны BRICS отдельную аналитическую категорию, методологически безупречен, хотя ее ответ отрицательный. Ведь выделение BRICS в отдельную группу можно было бы считать умозрительной конструкцией, зависящей от статистического казуса, как, собственно говоря, и был первоначально воспринят упомянутый выше доклад «Goldman Sachs». Следуя традиционной регионально-геополитической логике, было бы намного более последовательным сгруппировать Бразилию с латиноамериканскими странами, Индию с Пакистаном, Китай с Японией и Юго-Восточной Азией, а Россию с Европейским союзом. Однако, считает Эллиотт Армико, если рассматривать государства BRICS альтернативно, а именно с точки зрения того эквивалентного воздействия, которое они оказывают на международную политику и на мировую экономику, с учетом той степени, в какой они изменяют условия международного взаимодействия других акторов, — государств, международных организаций, ТНК, субнациональных и транснациональных субъектов, — то в этом смысле BRICS была бы особой реальной категорией стран⁸.

Думается, что такая постановка вопроса верна. Действительно, BRICS является особой группой. Входящие в нее страны — континентальные ги-

ганты, *system-influencing states* или *system-affecting states*⁹, одинаково влияющие на региональную и глобальную политику как с позиций экономики, торговли и финансов, так и с позиций политического и военного влияния. Их авторитет в региональных политических и экономических организациях является весьма значимым, если не решающим. Две из пяти стран BRICS являются постоянными членами Совбеза ООН, а Бразилия и Индия — активными кандидатами на места постоянных членов реформирующегося Совбеза. Три из пяти государств — военные ядерные державы, а Бразилия и ЮАР отказались от продолжения военных ядерных программ, но способны их возобновить. Все страны BRICS обладают большим или меньшим неядерным военным потенциалом, а Россия, Индия и Китай весьма активно наращивают усилия в военной области. В сфере информационных технологий BRICS сделали значительные шаги вперед. В национальные и международные космические программы, где лидирует Россия, вовлечены в большей или меньшей степени все страны BRICS за исключением ЮАР. По мнению В.М.Давыдова и А.В.Бобровникова, «к 2009 г. BRIC обрела черты реальной коалиционной группировки восходящих гигантов», а «восхождение стран-гигантов в международных делах на сегодня уже свершившийся факт»¹⁰. Государства BRICS входят в обе группы 20 стран (торговую и финансовую), а с 2010 г. их вес в принятии решений в рамках МВФ и их финансовая доля выросли.

Однако рассмотрение BRICS как особой реальной категории стран только с позиций сравнительной политологии, неореалистического или неолиберального подходов, было бы недостаточным теоретическим фундаментом для анализа генезиса новых международных структур, наводящих международную политику, среди которых BRICS выделяется своим политическим и экономическим значением. Уместно задать вопрос, каковы же механизмы, которые способствуют сближению далеко отстоящих друг от друга, но все более скоординированно взаимодействующих восходящих величин в мировой политике. В этой связи нельзя обойтись без уроков интеграции и концептуальных схем, которые проверены европейским опытом. В то же время надо представлять, даже используя для этого преувеличительное сравнение, что BRICS, возможно, настолько далеко отстоит от интеграционного объединения, европейского или иного типа, насколько примитивное племя отличается от организованного государства.

Два принципиально важных протоинтеграционных процесса начинают характеризовать BRICS — трансправительственное управление и транснациональный неофункционализм. Безусловно, это противоречащие друг другу процессы, ведущие к разным политическим результатам, но очевидно то, что оба они развиваются и что второй из них следует за первым. То есть, тон на данный момент задают правительства, а рынок, общество и транснациональные и субнациональные акторы поднимаются на гребне крепнущего межправительственного политического сотрудничества.

В гетероархическом глобальном мире намерения установить управление на региональном или глобальном уровне встречают противодействие в связи с опасениями чрезвычайной централизации власти и использования принуждения силой. Эта дилемма правления, основанная на противоречии между порядком и свободой, в глобализирующемся мире превращается в трилемму, когда выбор делается между свободой (не участвовать в правле-

нии), порядком (участвовать в глобальном децентрализованном правлении на основе существующих норм и режимов) и выбором в пользу новых правил, основанных на групповых политических решениях (частичное глобальное или региональное правление)¹¹. Собственно говоря, по этому пути пошло образование основных региональных объединений и международных организаций, возникших в период мирового развития после «холодной войны». Тем не менее отличие BRICS от традиционных международных организаций и новых региональных объединений заключается в том, что страны BRICS не связаны договорными и легальными обязательствами, требующими длительных процедур переговоров для заключения соглашений, их ратификации, согласования и исполнения. BRICS — это пример опыта трансправительственного глобального правления. По мнению профессора Принстонского университета (США) Энн-Мэри Слотер, горизонтальные «трансправительственные сети» оставляют в стороне излишнюю бюрократию и используют облегченную форму институционализации с тем, чтобы объединение в случае необходимости было готово без промедления скоординировать позиции¹². Не подменяя институты глобального правления, BRICS, с учетом своего веса и регионально-континентального представительства, начинает существенно дополнять их деятельность. Одновременно BRICS не ограничивается региональными моделями мирового правления, а делает серьезную заявку на скоординированный глобальный механизм управления, что поднимает их на уровень существующих институтов глобального управления.

Такое явление, как неофункционализм¹³, чьи истоки восходят к работам профессора Калифорнийского университета в Беркли (США) Эрнста Хааса, представляет собой еще один механизм интерактивного мирового сотрудничества, возвращение к которому наметилось после «холодной войны» и который, видимо, начинает формироваться и в пределах BRICS. В то же время его транснационализация в рамках BRICS отличается от подобного процесса в «Евроландии» как в отношении списка акторов и институтов регулирования ЕС, так и процессов *spillover**. С одной стороны, транснациональные акторы довольно неоднородны, а институты либо отсутствуют, либо зарождаются. С другой стороны, сложность и разветвленность повестки дня в силу глобального характера выводит ее далеко за рамки региональной проблематики. Группировка BRICS выделилась в контексте лидерства государств, для которых фактор ускоренного экономического и социального развития — это не только необходимая составляющая для существования общества, но и реальная возможность «догнать и перегнать» развитый мир в течении жизни одного-двух поколений, т.е. осуществить за вполне осязаемый период времени мечту о процветании. Их неофункциональный потенциал заключается не только в широкой гамме международного сотрудничества в тех областях, где политика традиционных международных институтов зашла в тупик, но и в отношении новых вызовов и угроз современного мира. Так, BRICS, объединяя двух постоянных членов Совбеза ООН и трех кандидатов на места постоянных членов, явля-

* Термин дословно переводится с английского как «переливание через край», что в неофункциональной теории означает развитие сотрудничества во второстепенных областях и между второстепенными акторами, когда в основных вопросах и между главными акторами оно блокируется по политическим мотивам.

ется примером критики иммобилизма в реформировании этого органа. Эта группа стран-гигантов не перестает динамично развиваться даже в условиях мирового финансового кризиса, асимметрично затронувшего в большей степени развитый мир. BRICS возглавляет своеобразный «мятеж» против неэффективности бреттон-вудских институтов и в определенной степени против ВТО, ввиду неспособности последней ослабить торговый протекционизм развитых стран.

Учитывая специфику неофункционального подхода, от стран BRICS можно было бы ожидать более активного сотрудничества во второстепенных областях глобальной повестки дня, учитывая, что их статус, якобы, пока не позволяет посягать на проблемы «высокой политики» — военно-стратегические режимы, мировая валютно-финансовая архитектура, существующая структура миропорядка. Но BRICS парадоксальным образом заняла активные позиции по вопросам мира и безопасности, реформы мировых институтов, международной торговли, развития, контртерроризма, изменения глобального климата, диалога цивилизаций, наряду с такими проблемами «второго эшелона», как сельское хозяйство, энергетическая, экономическая и продовольственная безопасность и сотрудничество внутри BRICS. Уже со второй встречи лидеров государств группировки в повестку дня вошли вопросы повестки ООН: поддержание ядерной безопасности, региональная безопасность (ядерная программа Ирана, ближневосточный конфликт, положение в Гаити). На третьих переговорах на высшем уровне в Санья были затронуты конкретные аспекты реформы валютно-финансовой системы (переход на взаиморасчеты в национальных валютах и использование специальных прав заимствования), проблемы «арабской весны» на Ближнем Востоке, в Северной и Западной Африке, положение в Ливии и Сирии, разработка возобновляемых источников энергии и усиление безопасности мирного использования ядерной энергии, достижение целей развития тысячелетия к 2015 г. в соответствии с «Декларацией тысячелетия» ООН (2000 г.). Обсуждались также вопросы изменения климата и устойчивого развития. В данном контексте трансправительственное сотрудничество получило успешное развитие, лидируя по сравнению с расширением связей между транснациональными субъектами, общественными и неправительственными организациями.

Сотрудничество внутри BRICS, основанное на общих и национальных интересах каждой страны, — это отдельная тема для обсуждения, но важно отметить, что с момента создания коалиции это сотрудничество стало развиваться намного успешнее¹⁴, получив в 2009 г. в Екатеринбурге серьезный импульс, который ощущается во многих областях.

Безусловно, центральный вопрос «загадки» объединения — это нормативная база сотрудничества. Конечно, речь идет не о правовых инструментах, которые являлись бы фундаментом любой международной коалиции. Вопрос состоит в том, какие общие ценности, а не только общие интересы объединяют BRICS.

Чтобы ответить на этот вопрос, требуется оценить прошлое входящих в BRICS стран и те уроки, которые они извлекли из него. Четыре из них имеют колониальное прошлое, в разные периоды истории преодоленное путем борьбы за независимость. Бразильский ученый Фернандо Энрике Кардозо (президент Бразилии в 1994—2002 гг.) и чилийский — Энцо

Фалетто обосновали «теорию зависимости», на развитие которой повлияли работы исследователей ЭКЛАК*. Бразилия, Индия и КНР в 1964 г. вошли в Группу 77 развивающихся стран, выдвинувших в 1974 г. концепцию «нового международного экономического порядка». Индийский экономист и лауреат премии Нобеля в области экономики Амартья Сен внес вклад в разработку теории развития в эпоху глобализации. Бывшие колониальные, а ныне развивающиеся страны, входящие в BRICS, поставили во главу угла своей политики достижение догоняющего развития, преодоление бедности, нищеты, неграмотности, болезней, структурных проблем отсталости. Причем методы осуществления целей развития после «холодной войны» претерпели серьезные изменения. Место концепции конфликта развивающегося Юга с развитым Севером постепенно заняли две основные установки: сотрудничество Север — Юг и сотрудничество Юг — Юг. Причина таких изменений заключается, с одной стороны, в стратификации «третьего мира», где выделились новые индустриальные государства, восходящие гиганты, просто развивающиеся и наименее развитые страны, а также в относительной деидеологизации отношений Север — Юг.

С окончанием «холодной войны» установление более целостной и однородной международной среды с точки зрения производства, рыночных отношений и финансовых потоков благоприятствовало возрастающему участию развивающихся стран в международной политике и экономике, а также решению глобальных социальных проблем. Десятилетия международных конференций ООН по глобальным проблемам, основание ВТО, дохийский раунд, возникновение новых институтов и региональных объединений, в которых развивающиеся страны могли более успешно защищать и продвигать свои интересы, дали такие результаты, как Декларация тысячелетия, ликвидация или сокращение кредиторами внешней задолженности стран «третьего мира», международное сотрудничество в борьбе с ВИЧ-инфекцией, продвижение прав человека, в частности прав женщин, развитие образования, здравоохранения, обеспечение доступа к питьевой воде, решение жилищных и санитарно-гигиенических проблем и другие социально и экологически значимые достижения. Все это происходило, с одной стороны, на фоне сокращающегося влияния Группы 77¹⁵, и возрастающего воздействия органов ООН и международных и региональных межправительственных организаций — с другой на процессы развития стран «третьего мира», что в принципе означало достижение большей гармонии и укрепления сотрудничества между Севером и Югом.

Бразильский исследователь Мария Соареш Режи́на де Лима утверждает, что некоторые восходящие страны устроил их новый статус, в связи с чем их участие в противостоянии Север — Юг стало носить символический характер или сошло на нет, в то время как другие государства, такие, как Бразилия, пошли по пути балансирования между линиями Север — Юг и Юг — Юг, продвигая стратегию *доверия*, с одной стороны, и укрепляя *автономию* — с другой¹⁶. Продолжая эту мысль, следует сказать, что мировой финансовый кризис с 2008 г. еще больше укрепил поиск автономии Бразилией, что проявилось в преобладающем значении ее внешней торговли с Азией, в продвижении независимых внешнеполитических позиций в междуна-

* Странники доктрины, разработанной Раулем Пребишем и его последователями в ЭКЛАК.

родных организациях на основе многостороннего политического сотрудничества и в создании BRICS, чему способствовало предварительное взаимодействие этих государств в Группе 20. Участие Бразилии и России в BRICS означает гарантию сбалансированных отношений между BRICS и Севером с учетом того, что обе страны придерживаются стратегии партнерства с Европейским союзом и в целом с Западом.

Новый тип поведения государств в период глобализации 1990-х годов прошлого века выявил частую смену моделей слияния, отделения, нового слияния, интеграции, полуинтеграции и дезинтеграции¹⁷, объединений развивающихся стран, преследующих в своем многообразии общие интересы:

- устойчивое и инклюзивное социально-экономическое развитие;
- необходимость совместной защиты от глобальных угроз;
- достижение выгодных позиций в новом геоэкономическом контексте;
- желание ослабить ассиметричное воздействие окружающей международной среды (международный финансовый кризис);
- перспектива сотрудничества, свободная от гегемонистского влияния и экономической зависимости прошлого¹⁸.

Примером таких результатов, предшествующих образованию BRICS и имеющих отношение к его генезису, было основание форума восходящих стран Юга под названием IBSA, объединивших с 2003 г. Индию, Бразилию и Южную Африку. Неформальная коалиция государств под «зонтиком» диалогового форума приступила к обсуждению перспектив многостороннего развития в новом мировом контексте. Повестка дня IBSA — региональное сотрудничество, противодействие глобальным угрозам, экономическое, социальное и технологическое неравенство, борьба с нищетой, слабозащищенностью, а также критика политической несправедливости и устаревшей структуры миропорядка — морально подготовила и предварила повестку дня BRICS¹⁹. Весьма симптоматично и то, что, несмотря на вступление Южной Африки в BRICS в 2011 г., IBSA не слился с BRICS, сохранив свою изначальную «южную» идентичность. Произошло это потому, что IBSA является кооперативным объединением для конкретного решения межрегиональных задач развития на основе сотрудничества с третьими странами и региональными объединениями и основан на ценностной парадигме сотрудничества Юг — Юг.

Исходя из перспектив, целей и общего понимания путей и преград к данным целям, и в целом согласившись с идейными установками сотрудничества Юг—Юг, лидеры стран BRICS объединились вокруг задач, решение которых основано на ликвидации барьеров на пути к более справедливому и равноправному развитию и существованию, не разделенному на миры бедных и богатых. Об этом свидетельствуют формулировки из заявлений руководителей BRICS на встречах в верхах (участие в глобальном управлении, демократический и справедливый многополярный миропорядок, содействие утверждению демократии в международных отношениях, противодействие глобальным вызовам и угрозам, всеобъемлющее реформирование ООН, реформа бреттон-вудских институтов, сдерживание торгового протекционизма, проведение дохийского раунда «развития», сокращение дисбалансов в глобальном экономическом развитии, расширение социальной базы развития, взаимодействие и сотрудничество с государст-

вами, не входящими в BRICS, а также с соответствующими международными и региональными структурами).

Таким образом, BRICS выстраивает повестку реформирования существующих режимов международных отношений, с одной стороны, на основе ангажированного участия в обновленном диалоге Север — Юг в рамках Группы 20²⁰ и, с другой, — в рамках сотрудничества Юг — Юг в контексте IBSA²¹. Экстраполируя основные тезисы деклараций BRICS, в воображаемом многополюсном мире страны BRICS, представляя большинство населения Земли и производя более половины глобального продукта, заняли бы ведущие позиции в системе глобального управления, в Совбезе ООН и в мировых финансовых и торговых институтах, оказывая «демократическое» влияние на принятие справедливых и равноправных глобальных политических и социально-экономических решений, ведущих к строительству гуманного миропорядка.

Постановка этих проблем дает повод говорить о выходе на новый этап отношений между стратифицирующимся развивающимся миром и государствами с формирующейся экономикой, с одной стороны, и развитым миром — с другой при помощи механизмов многостороннего политического диалога, в котором лидируют страны BRICS.

Для России и Китая идейная основа «южной» парадигмы не является однозначной. В Китае, который колонией в полном смысле этого слова никогда не был, постколониальное восприятие мира смешивается с идеологией коммунизма и исторической имперской памятью. Да и участие в сотрудничестве Юг — Юг отмечено намерениями продвигать весьма прагматичные экономические и ресурсные интересы в странах «третьего мира», в особенности в Африке. Тем не менее Китай с момента конференции в Бандунге (1955 г.) всегда был на стороне развивающихся стран, и по главным идеям Юга у Китая нет разногласий со странами IBSA.

Россия значительно больше, чем Китай, отличается от других членов объединения. Во времена СССР во внешней политике борьба с колониализмом была одной из важных идеологических установок, на которой строилось сотрудничество со странами «третьего мира». Наиболее значимым для трансформации во взглядах российского руководства был факт распада СССР, в ходе которого произошло отделение бывших советских республик и который можно было бы весьма условно назвать «деколонизацией». Будучи больше европейской, чем азиатской страной, являясь преемницей советской сверхдержавы, Россия в 90-х годах сделала ставку на западный мир. Она провела демократические и рыночные реформы, постепенно вошла в состав группы семи наиболее развитых стран, однако «шоковый» неолиберальный опыт экономического развития, которого не удалось избежать, обошелся дорого населению страны и государству. Финансовые международные и европейские институты должным образом не поддержали Кремль, а европейское партнерство не оказало существенного влияния на экономическое развитие России в 90-е годы. По этим и другим внешнеполитическим причинам, например, таким, как расширение НАТО на Восток, Москва в начале 2000-х годов сделала ставку на политику сближения с Китаем, Индией, Бразилией и другими крупными развивающимися странами.

Что же сближает сегодня Россию с Югом? Дело в том, что «южная» повестка дня нашла место в российской внешней политике по той причине,

что в начальный период своего существования как нового государства после распада СССР РФ была отнесена к категории стран с формирующейся рыночной экономикой, что ставило ее на одну доску с развивающимся миром. Этот факт рассматривается не с точки зрения вынужденного понижения статуса великой державы, а с позиций исторического опыта, согласно которому Россия, признанная рыночной экономикой только в 2002 г., в течение целого десятилетия познавала несправедливость экономического неравенства, характерного для подавляющей части развивающегося мира в течение нескольких послевоенных и последовавших за процессами деколонизации десятилетий.

То, что в российской историографии внешней политики называется «восточной» политикой России, с таким же успехом могло бы именоваться ее «южным» вектором, учитывая то, что в основе — не цивилизационно-культурный фундамент и не евразийская сущность России, а реалии эволюции постколониального мира периода после «холодной войны», примером которой является фантастический экономический рост Китая. Идеальная привязка России к «южной» парадигме значительно облегчает понимание общих ценностей, объединяющих страны BRICS. Было бы труднее объяснить участие России и Китая в BRICS, если бы за нормативные критерии принять культурно-цивилизационные ценности, а не постколониальные чаяния развивающегося мира.

Нынешнее участие России в BRICS говорит о том, что российское руководство на данный момент разделяет основные идеи и интересы «южного» подхода к современным международным отношениям, хотя возникают и различия во взглядах, например, на сроки, методы и степень реформирования международной системы*.

В заключение следовало бы отметить следующее. BRICS при своей неортодоксальной гармоничности является также новым и мало проверенным инструментом воздействия на мировое управление. Его успехи на начальном этапе свидетельствуют о правильно выбранном и на данный момент весьма прагматичном и нормативно оправданном курсе в условиях развития глобального мира. Вместе с тем образование нового международного объединения со столь значительным потенциалом влияния на регулирование процессов в контексте существующих глобальных институтов и поставившего целью реформирование нынешней международной архитектуры является источником вызова и, несомненно, будет предметом споров и причиной трений и конфликтов. Кроме скепсиса насчет необходимости и действенности BRICS в мировом управлении, в научной дискуссии появились мнения, согласно которым BRICS дискредитирует себя по причине незрелости и неподготовленности восходящих гигантов к решению ответственной задачи глобальной реформы²².

Кратко полемизуя с одним из них, отмечу, что недостатки внутреннего демократического управления в двух странах BRICS и необходимость

* Российско-китайское заявление подтверждает наличие разногласий по вопросу о реформе Совбеза среди BRICS: «Стороны считают, что принятие модели, предусматривающей поэтапное решение этого вопроса, и поспешное продвижение предложений по реформе Совета Безопасности ООН не способствуют достижению согласия». — Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики по текущей ситуации в мире и основным международным вопросам, 16 июня 2011 г.

его развития не являются достаточными основаниями для того, чтобы не учитывать позиции этих государств в отношении реформы нынешней системы международных отношений, которая регулируется отнюдь не посредством демократических процедур «мирового правительства», а является отражением архаичного и асимметричного, если не сказать на данный момент уже несправедливого, миропорядка, сложившегося после Второй мировой войны. Если ядерный статус Индии и однопартийная система управления в КНР и противоречат международным режимам или универсальному пониманию прав человека, то это не мешает Индии признавать режим нераспространения ядерного оружия, не являясь сигнатарием Договора о нераспространении ядерного оружия, а Китаю, придерживаясь коммунистической формы внутреннего правления, быть крупнейшим финансовым и торговым партнером главных демократий западного мира. В той же степени недостаточная зрелость демократической системы в России не отнимает у нее право экономически и стратегически влиять на другие государства. Так же как и решение Бразилии посредничать в вопросе иранской ядерной программы не умаляет ее достижений в продвижении демократических прав и свобод в своей стране. Судя по всему, к подобным выводам может привести только смешение понятия анархических норм гетероархического мира с понятием демократии как формы внутреннего правления. Тем не менее следует прислушаться к мнению критиков о том, что различия между универсальными и коммунитарными ценностями стран BRICS могут привести к несовпадению взглядов на будущее мира. Пока же на данном этапе развития BRICS точек соприкосновения между его участниками значительно больше, чем расхождений. И, понимая, что такая ситуация не вечна, этим следует воспользоваться, чтобы исправить серьезные дисбалансы в мировом политическом, экономическом и социальном развитии, укрепив глобальное управление путем приведения его в соответствие со значительными изменениями, произошедшими в мире после «холодной войны».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ P. K e n n e d y. Cuidado con los BRIC. — El País, 26.XI. 2003.

² J. O' N e i l. Ready for a BRIC Century. — Moscow Times, 2.VIII. 2011.

³ Международный порядок уже приспособлен к новому веку. Такие страны, как Китай, Индия и Бразилия, развиваются семимильными шагами. Мы должны приветствовать такое развитие событий, так как оно освободило сотни миллионов людей от нищеты во всем мире и создало новые рынки и возможности для наших народов. И все же, когда эта быстрая перемена произошла, в некоторых кругах стало модным задаваться вопросом, а не будет ли рост этих стран сопровождаться сокращением американского и европейского влияния в мире. Может быть, в соответствии с данным мнением, эти страны олицетворяют будущее, и время нашего лидерства минуло. Этот аргумент ошибочен. Час нашего лидерства пробил. (Барак Обама укрепляет трансатлантические отношения в Вестминстерской речи). — The Guardian, May 25, 2011, <http://www.guardian.co.uk>

⁴ S. M. W a l t. Alliances in a unipolar world. — World Politics 61, N 1, 2009, p. 86.

⁵ Поэтому в нынешнюю эпоху доминирования США мягкое балансирование представляет собой сознательную координацию дипломатических усилий в целях достижения результатов, противоречащих предпочтениям США, и которые не могли бы быть достигнуты, если бы балансеры не оказывали друг другу определенной взаимной поддержки. Вместо объединения вооруженных сил или проведении совместных операций мягкие балансеры объединяют свой дипломатический потенциал для того, чтобы отстаивать собственные ин-

тересы. Мягкое балансирование по определению направлено на ограничение способности Соединенных Штатов навязывать свои предпочтения другим. — *Ibid.*, p. 104.

⁶ Государства в условиях однополярности могут также сформировать альянс не для того, чтобы балансировать или сдерживать единый полюс, а чтобы уменьшить свою зависимость от него, объединив собственные потенциалы. Цель заключается не в балансировании в отношении единого полюса в краткосрочной перспективе, а в достижении определенной степени автономии и гарантий от непредвиденного развития событий. Лэйн назвал эту реакцию «сорваться с цепи», которую он описывает как «форму защиты от гегемона, который может в один прекрасный день воспользоваться своей мощью в угрожающей и хищной манере». — *Ibid.*, p. 107; Срывание с цепи и другие попытки укрепления автономии, скорее всего, происходят, когда более слабые государства обеспокоены способностью единого полюса эффективно управлять вопросами безопасности, и тем самым желают отстраниться от его инициатив. — *Ibid.*, p. 115.

⁷ A.J.Nunes de Oliveira, J.O.nuki, E.deOliveira. Coalizões Sul — Sul e multilateralismo: países intermediários e o caso IBAS. — Brasil, Índia e África do Sul: desafios e oportunidade para novas parcerias. São Paulo, 2009, p. 160—161.

⁸ L.E.Armijo. The BRICs countries (Brazil, Russia, India, and China) as analytical category: Mirage or insight? — *Asian perspective*, Vol. 31, 2007, N 4, p. 9.

⁹ В соответствии с терминологией, предложенной Р.Киохейном. См. R.Kehane. Review: Lilliputians' Dilemmas: Small States in International Politics. — *International Organization*, Vol. 23, 1969, N 2, p. 295—296.

¹⁰ В.М.Давыдов, А.В.Бобровников. Роль восходящих гигантов в мировой экономике и политике (шансы Бразилии и Мексики в глобальном измерении). М., 2009, с. 58.

¹¹ См. A-M.Slaughter. A new world order. Princeton, 2004, p. 10.

¹² *Ibid.*, p. 10, 11, 37, 156, 161.

¹³ E.B.Hass. The Obsolescence of Regional Integration Theory. Berkeley, 1975, N 25; Th.Gehring. Integrating Integration Theory: Neo-functionalism and International Regimes. — *Global Society*, Vol. 10, 1996, N 3, p. 225—253; W.Sandholtz, A.S.Sweet. Neo-functionalism and Supranational Governance. — http://works.bepress.com/alec_stone_sweet/38

¹⁴ См. Б.Ф.Мартынов. Бразилия — гигант в глобализирующемся мире. М., 2008, с. 259—314; F.M.Faria. BRICs: o Brasil e as Relações Comerciais com os Países Líderes Emergentes (China, Índia, Rússia e África do Sul). — Brasil — Índia — África do Sul: emergência do Sul Global. Rio de Janeiro, 2010.

¹⁵ Так называемого «третьего мира» как коалиции развивающихся стран, находящейся в оппозиции к богатым странам, как, например, в рамках ЮНКТАД (Конференция ООН по торговле и развитию), больше не существует. Правительства развивающихся стран в настоящее время четко осознают, что они конкурируют друг с другом, причем отстающие отчаянно пытаются догнать успешно развивающиеся новые индустриальные государства. См. S.Strange. States, firms and diplomacy. — *International Affairs*, Vol. 68, N 1, p. 4.

¹⁶ M.R.Souares de Lima. A política externa brasileira e os desafios da cooperação Sul—Sul. — *Revista Brasileira de Política Internacional*, vol. 48, 2005, N 1, p. 26, 34.

¹⁷ L.Chugh. Marcoeconomia e Finanças Internacionais. Seminário «Inovation and Business Trends», 26 de agosto de 2009. Rio de Janeiro, 2009.

¹⁸ A.Zheit. BRICs, IBSA and the Global South. — Brasil — Índia — África do Sul: emergência do Sul Global, p. 206—207.

¹⁹ Б.Ф.Мартынов. БРИК и деградирующий миропорядок. — Латинская Америка, 2008, № 5, с. 4—20; G.Fonseca Guimarães de Moura. O Fórum de Diálogo Índia — Brasil — África do Sul (IBAS): Concepção e Consolidação. — Brasil — Índia — África do Sul: emergência do Sul Global, 2010.

²⁰ M.R.Souares de Lima. Brasil e pólos emergentes do poder mundial: Rússia, Índia, China e África do Sul. — O Brasil e os demais BRICs: Comércio e Política. Brasília, 2010, p. 167—170.

²¹ M.R.Souares de Lima. O Brasil e as Relações Sul — Sul. Desafios da Política Externa Brasileira. — Dossiê CEBRI, Vol. 1, 2008, p. 63—64.

²² J.G.Castañeda. Not Ready for Prime Time. Why including emerging powers at the helm would hurt global governance. — *Foreign Affairs*, 2010, vol. 5, N 89.